

Tul_05_040

15.07.2005

Инф.: **Пиня Осипович (ПО) и София Иосифовна (СИ) Гольфель**

Соб.: А. Львов (АЛ), О. Габе (ОГ)

ПО: Отец умер, мать 'умерла у меня, это... Тех людей, что вы ищите, шас в Тульчине нет. Они все, они выехали, <по?> умирали <0:13>, и нет никого. Сейчас только одна молодежь в Тульчине. А молодежь? Что молодежь? Онине обращают ни на религию, ни на что...

АЛ: А у Вас религиозные родители были?

ПО: Да-а, мои родители были очень рели... И Пасху справляли, и все как надо было, когда-то жили. Когда-то... а сейчас, что сейчас...

АЛ: А синагоги не было?

ПО: Синагога была у моей мамы, в том...

АЛ: В доме, да?

ПО: В доме. Двухэтажное здание было. Синагога была у моей мамы.

АЛ: Это собственный дом был?

ПО: Я... я не знаю, но вообще собственный дом.

АЛ: А где этот дом был?

ПО: А, где-то там, на... Там ничего нет.

АЛ: Ага.

ПО: Только одна земля и огород.

АЛ: Это в центре?

ПО: В центре. Там, внизу, ничего там...

АЛ: Это Копценивка, да, считается?

ПО: Копценивка, бедные люди. На Копценивке жили бедные люди. Сапожники, ремесленники. Сапожники, портные. Печатали детей по десять, по восемь детей было в семье. <Разницы? 1:21> не было - по восемь, по пять человек. Шас эти фокусы не идут.

АЛ: А вот где Копценивка... вот... где граница, где она кончалась?

ПО: Она... там... ну, что <как идут? 1:34> до еврейского кладбища, там вся площадь была Копценивка... бедные люди жили там. А богатых не было..

АЛ: Ну вот там двухэтажный дом был, да, у Ваших родителей, да?

ПО: У мамы, да, там двухэтажный дом, с камня... еще путовый камень был... из кирпича путовый камень лежал. Был дом. Был первый этаж, был второй этаж. На первом этаже ж... молились мужчины, а на втором этаже ж... молились женщины.

АЛ: И там жили?

ПО: Кто, мы?

АЛ: Да.

ПО: Да, семья у нас, что... нас было четверо детей, мы там жили... дети умерл'и, дети умерли в лагере.

АЛ: А какие там комнаты были... в доме? Вот как он был устроен?

ПО: Ну, как было устроено? Первый этаж был больше, а второй этаж был меньше, там находились только женщины. Не выходили... они

ж...нельзя ведь было тогда встречаться... мужчины с женщинами. Они ж... молились Богу...

АЛ: А ну вот обычно, ну вот Вы знаете, в синагоге женщины обычно наверху там, на галерее, они слушают.

ПО: Да, да...

АЛ: Они просто слушают, как мужчины молятся...

ПО: Да, да, мужчины молятся, они повторяют ихние слова.

АЛ: Повторяют, да?

ПО: Да, ну а что же, что же... Они молятся. Они конечно... повторяют.. ихние слова, то, что они заводили эти еврей-мужчины.. А женщины повторяют эти слова (смеется).

АЛ: А на каком языке?

ПО: На иврит, на идиш? А какой был тогда иврит? Кто знал иврит? Кто знал? Кто знал, что есть такое государство Израиль.

АЛ: Понятно.

ПО: Не знали, они понятия не имели. Идиш, идиш.

АЛ: Это когда, это после войны было? Или до войны?

ПО: Не, до войны. До войны. После войны стало там... ветеринарный техникум забрал...

общезитие сделал. До войны.

АЛ: А, понятно.

ПО: До войны, после войны ну еще немножко так было, а основное – до войны.

АЛ: А вы... ну вы тогда маленькие были, да?

ПО: Сколько мне было? Пять лет.

АЛ: Пять лет. Вы тридцать шестого года, да?

ПО: Нет, я... тридцать тре... второго...

АЛ: Тридцать второго, ага.

ПО: Семь лет, или сколько мне было.

АЛ: Ну, большой уже, да. А вы ходили, когда там собирались молиться? Вы с мужчинами были или с женщинами?

ПО: Я вам скажу ...честно... Хотите верьте... Я пошел в школу, третий – школу. И я там рассказал учительнице, по дурости, что я молюсь Богу, и меня обучают еврейскому языку и букве. И вот она вызвала родителей, сказала, шоб больше не было таких разговоров, шобы он больше не шел туда молиться и шобы он ...Запретили! И <'отдали/п'одали? 4:38> в русскую школу. Будьте любезны, учите русскому языку. Не надо нам <войну гражданскую? 4:45>. Вот, и...

АЛ: А до этого Вас учили молитвам, да?

ПО: Учили. Но я не вошел в эту кух <ню?>... Там несколько букв, чтобы понимать...идиш, нет... элэф, бейс, гимел, долет. Несколько букв я успел...и пошел в школу. Рассказал, что меня обучают дома. Такие буквы есть в алф'авите, да? - Элэф, бейс, гимел, долет... Так и вот, я не успел еще. Я не успел, я рассказал учительнице, а учительница вызвала маму, и запретили. До войны... и после войны.. моя мама молилась Богу . <неразб., С отца...Отец?

5:36>...Молилась Богу... Ехала милиция, и еще одну женину кинули в буду. Это, хорошо, у нас был один Бенья, сапожник, там внизу есть будка, вот он был как глава<рь?>... И он побежал. «Что вы делаете? Люди доб <рые?>». Они еще молятся, молятся... И выпустили. Выпустили, из буды выки...выгнали и посмеялись. И всё. Моя мама была очень религи..., наб'ожная.

АЛ: А после войны там же жили, в том же доме?

ПО: Не, не... Разбили, немцы пришли, все снесли. Потому что это был партизанский дом, они кричали. Партизаны, партизаны... Разбили, вот... Нету на свете, такой кирпич...эти во...камень...

АЛ: А Вы же говорите, там же общежитие техникума было?

ПО: Ну, то что они потом нашли, что это партизанский дом. Партизанский дом. Там же хозяина не было. Хозяин был в Печоре, в лагере. Там же никого не было.

АЛ: Понятно.

ПО: Партизанский дом.

АЛ: А вот Вас учили буквам, это кто учил – это родители или учитель приходил?

ПО: Не, не.. Меня учил, у нас заходил такой старичок. Он сидел за столом, пил чай и учил мне вот эти буквы-то. Столько лет, я запомнил несколько букв.

АЛ: Ага.

ПО: И мама учила тоже...Маме не дали возможность, потому что ...

АЛ: А вот как Вам сказали, что придет ребе, меламед...да, вот?

ПО: Я вам скажу: я не помню. Ребе я не помню, я этого не помню, честное слово, я... Говорили, что есть ребе, есть амикве, и что где-то есть мелице... Я туда не ходил... я не помню, я не помню. Я был ребенком, то что ...не обращал внимания. Мне надо было колесо катать, по Тульчину бежать, и все...вот это моя...моя специальность была. Я учился в школе. Я не успел выучиться в школе тож... Один класс я... второй...уже война н'ачалась, и все...вот моя...курс учения, все...

АЛ: Ну, Вам же, наверное, поначалу понравилось учиться, раз вы, да, вот, рассказали учительнице, интересно же было, да?

ПО: Ну...я Вам скажу, было интересно, но тогда было запрещено, это не то время...

АЛ: А Вы вот когда начинали учиться, там что-нибудь, вам подарки дарили какие-то, когда Вы буквы начали учить?

ПО: Никакие подарки мне не дарили, потому что не успели еще посмотреть на меня как ученика даже. Они даже не успели...война н'ачалась, и все. И этого старика избили, у него было ведро яиц, я помню...то выбили ядро яиц на голову. Каждый немец стоял и специально на того кидал это яичко...И побили, смеялись над ним. Ну, ему в те годы уже тоже было, не знаю, лет шестьдесят, семьдесят, не знаю, сколько ему было. Старик...с белой бородой такой. Он мне рассказывал, что он был на <Конте?>, в Японии, еще когда-то воевал, вот он остался без пальцев, такой вот.

Старичок был. Дети были, дочка была...и так вот...жили...Бедно мы жили!
Очень бедно. Детей было п'олно! Света не было! Т<етрадей> не было!
<9:19> Телевизора не было! Ничего у нас не было.

АЛ: А старичок этот, он вообще детей учил, да? Или он..

ПО: Он...он умел, конечно, старичок, мог учить детей, конечно...он умел...он стоял, это, в синагоге, я помню, и молился Богу. Тогда старики только занимались этим делом.

АЛ: А как это называлось у вас, вот, когда он стоял...

ПО: <Шир?, 9:46>. Как может называться <шир?>... еврейская синагога. По-нашему <яфир?>, а по русскому – синагога. Еврейская <шир?>.

АЛ: А вот он стоял на <неразб.,10:00>

ПО: Было чисто, было чисто. Стояли скамейки, сидели, я помню. <неразб., на идише, 10:08>, как они назывались, я не помню. На голове одевали, на руки надевали...

АЛ: Твиль.

ПО: Твиль, твель, да-да, твель. Одевали все, по одной команде, все стояли, все молились, так, как обычно.

АЛ: Ну вот женщины на втором этаже молились, они не слышали, что мужчины...

ПО: Там же было такое окошко ...какое-то...

АЛ: А, было окошко, да?

ПО: Окошко было, такое большое окошко. Оно закрывалось с чехлом. Вечером оно закрывалось. Тушили свечки, свечки тушили. Был специальный человек, русский человек, тушил свечки. На празднике, нам, я помню, давали красные яблоки какие-то, какие-то, был праздник, еврейский праздник.

АЛ: А какой, не помните?

ПО: Я, я не помню.

АЛ: Симхастейре?

ПО: О-о, вот это вы знаете... Симхастойре. ... яблоки к<ровавые?11:11>

АЛ: И что? Яблоки и что?

ПО: Ну, давали каждому ребенку, кто приходил, такие большие, как китайские яблоки, большие... Давали по яблоку, давали конфеты, сладости давали.

АЛ: А вот, помните, вот, Ракофус, может быть, вот, может быть, там...

ПО: Что такое?

АЛ: Ну вот ...Сеферторе была?

ПО: Это была, Сеферторе была. Большая... Были почетные люди, пра<вда? 11:37> не каждому давали носить <неразб.,11:43> Не каждому...разложили на стол...красная эта вот была ...скатерть, такая, бархатная. На эту бархатную ...ложили, и читали...Да, это только в праздничные дни. На Йонкипе... Йонкипе, вы знаете, что это такое... Йонкипе.

АЛ: Да, конечно.

ПО: Судный день. Нельзя тоже кушать, Судный день. И в армии был, на Дальнем Востоке, на Камчатке.

АЛ: А вот Вы в детстве уже... Вы, целый день не ели, да? Или вас только...

ПО: Целый день. У нас ...значит...вечером поел, а вечером, вечером...когда, когда ...звезды сходят, тогда ты то.. имеешь право кушать.

АЛ: А вот я слышал, что детей после обеда... после обеда кормили уже, нет?

ПО: Я не знаю, кто, я не знаю, кто. Они могут... Есть такие, что они кушали весь день, и курили...

АЛ: Ну понятно.

ПО:...И потом они говорили: «Э-хе-хе-е-й, мы не ели, мы пост... <неразб.,12:45>». Я честно <давал слово, все...? 12:49> Я не знаю, за кого ... и были, конечно жо. <Неразб., 12:54> есть... Э-хе-ей. Кушает весь день, кушает, наедается... Идет... И он говорит: «Я не ел, я не ел...». Было тяжело немножко, я не знаю. Я в армии тоже не ел. Мама написала, и в этот день мою порцию я давал хлопцам кушать ... я не ел в армии тоже...не... в армии не...

АЛ: А вот не было, не было у Вас Капорес, вот, помните такое?

ПО: А, Капурес...Покупали на базар петуха, покупали курицу. И что-то...отец...отец...всё... что-то помолился, поговорил. Что он говорил, я не знаю, я не знаю. Поговорили, и убили, и потом давали это кушать, и.... Это был почет – курицу тогда, в те годы, <почет? 13:44> ... курица Не имели возможность кушать..

АЛ: А кому давали кушать? Сами ели, да?

ПО: Сами. А кому? Сами, сами. Давали родственникам, если бедные родственники были...давали тоже кусочек мяса. И жили...Отец работал <в металлистах/в мотористах? 14:00>, мать работала уборщицей в синагоге. Ну что мы...бы...что? Ничего.

АЛ: А у Вас дома на идише говорили? <Афидиш?>?

ПО: Только на идише, идише. <неразб.,14:13> Вот мой сын, он сейчас жалеет, что он не научился. Он жалеет. Он живет в Свердловске. Понимать он все понимает, а говорить он не может. У него есть пацан – Эдик. Он иногда как-то: «Дед, что это значит?». «Вот, учись, Эдик, пока дед твой живой, а потом ты не будет знать ничего».

АЛ: А вот было такое выражение: Афкапорес?

ПО: Афкапорес, это же, это же праздник, это Капурес...что это обозначает... убивают петуха или курицу. Если есть мужчина, надо обязательно петуха иметь, если курица – женщина, то конечно, Капурес знали..

АЛ: А просто такое выражение, про что-то могли сказать...афкапорес?

ПО: Нет..это нет... что это, афкопурес, значит...что это слово говорит, если это только праздничное слово. Капорес. <Капорес занге зин ? 15:15> Чтоб было обстоятельство, чтоб были здоровыми люди... Мы не имели парнуса. Вы знаете, что значит парнус? Вы не знаете.

АЛ: Знаю. Заработок.

ПО: Правильно, а ваши родители тоже <ин..? 15:32>

АЛ: Да.

ПО: Кем-то Ваши родители, если не секрет, учителя, наверно, преподаватели?

АЛ: Нет, инженеры.

ПО: О-о... Ну, все... конечно, инженеры. У меня тоже жили когда-то в Ленинграде, в Сестрорецке, где-то, Полуостров, где-то. Жили, уехали. Все уехали, не попрощались, уехали, уехали, уехали. Из Ленинграда все у меня уехали. Это было Электриков, красный кирпич такой, городок там, далеко где-то, за Ленинградом. Я знаю, где-то кладбище там... то они уехали... в Америку. Америка, Америка, в Америку все едут... А в Тульчине сколько было...

ОГ: А вы вот говорите на Капорес что-то говорили на идише: <зузангезынь? 16:22>, что еще?

ПО: < «Зузангезынь, семья, Им бейкен год ...им бейкен год фор ве киндер. Сузам парнус ..год фор израйлетен парнус. Им зане наци, зир но парнус» ? на идише, 16:41> Им Бог помогает, я не знаю. Хочется того... Едут такие молодые девушки. Я проработал на обувной фабрике сорок девять лет, что надо больше?

АЛ: А вот по-русски, вот ... что это значит, вот Вы сейчас только что сказали... Я просто не очень хорошо понимаю, вот.

ПО: Что?

АЛ: Вот то, что Вы сейчас сказали...

ПО: Я не знаю, что я сейчас сказал...

ОГ: Это вот слова, которые Вы сейчас сказали, которые говорят на Капорес... Зузангезынд, вот это...

ПО: Афдиш, афидиш... ту сре... Это не говорят на русском языке...

ОГ: Только на идиш?

ПО: Только на идиш... <неразб., 17:15>

ОГ: А это все говорят, или кто-то специально?

ПО: Все, все. Это когда молятся Богу, когда режешь курицу. У нас был специальный человек, специальный когда-то. Сейчас – нет. Сейчас берут топор, рубают и всё. Сейчас - нет. А то брали, он говорил молитву над этой курицей, петуха... Платили ему пятьдесят десять копеек, рубль... это по возможности, кто как мог. Это не было цены, сколько надо, установлено. Кладили пятьдесят копеек, рубль. Ты мог... это за счет, чтоб ты прожил целый год ... да ... получше. Ты кинул там ему в кассу два рубля, три рубля, рубль, пятьдесят копеек – по возможности, цены не было. За то, чтобы он попросил, чтобы ты благополучно прожил год.

ГО: То есть он режет и говорит молитвы?

ПО: Да, да. Он режет и говорит ... там... просит по... на твою семью, на твоих детей, такое дело... А чего Вы не занимаетесь историей Печоры?

ОГ: Мы в основном традиции собираем, такие ... истории.

АЛ: А просто много уже этим занимаются. Мы хотим, чтобы записали, ведь никто же не записывает, как здесь было до войны, да?

ПО: Не, не.. Никого, никого не интересуется.

АЛ: А вот нас интересует как раз.

ПО: Никого ничего не интересует. Сейчас только одно интересует, конечно, <неразб., 18:56> ничего: кушать! кушать! Никакой традиции, ничего. Пенсия и кушать... и здоровье.

АЛ: А вот какие праздники самые, самые для Вас были важные?

ПО: Самые? Пейсах.

АЛ: Пейсах?

ПО: Йонкипе, Новый Год... вот эти праздники. Там есть много, много праздников, но я вам скажу..поче.. я не зна...

АЛ: Ну вот Вы маленький были, для Вас что было самое такое... интересное?

ПО: Самое интересное... у нас ... Моцис. Была такая специальная такая ...<штамп? 19:33>... Я не знаю, у вас... И мама занималась этим делом. Что значит занималась? Стоял мужчина, и он качал, держал две такие палки в руках, и он кидался: Хлоп - хлоп! Хлоп - хлоп! И побилась эта маца на кусочки, на муку. А потом мать бр'ала сито, сито, и б'ыла белая простынь чистая, и чрез это сито пропускали эту мацу. Получалось два или три сорта. Одна сорт как моцемел, называлась. Я не знаю, как по-русски – моцемел.

АЛ: По-русски тоже моцемел (смеется).

ПО: А потом фарфл. Фарфлом называлась немножко крупнее, крупнее. Что значит крупнее, это можно было юшки. Разваришь юшку, вместо макарон, ты кидаешь там ложку-две... - как кому нравится. Делали кейзлех, кейзлех. Вы знаете, что такое кейзлех? Бабка! Делали бабки. Брали яички, брали ...эту вот, мешали, вставляли, делали... Тогда не было газовой печки, или плиты такие, а была печка, русская печка такая вот. Видели когда-то или нет? И туда вставляли эти горшки, и они поднимали... как бабки русские на Пасху. В магазинах продают... У вас тоже там, в Ленинграде.

АЛ: А что продают? Что продают на Пасху, на русскую?

ПО: На русскую? Бабки. У вас нет таких? Фокусы.

АЛ: Я не знаю даже, может быть, и есть.

ПО: Бабки такие, с зо... с яйцами, с сыром берут, делают.

АЛ: А, ну понятно.

ПО: Кому что нравится. Делают эти бабки, кушают вместо хлеба. хлеба же не едят, только едят моцес и де... кушают эти бабки. Делают из картошки бабки, с яичком натирают... на ...на терке и...делают бабки. Яички, яички, и всё.

АЛ: А вот Вы говорите, три сорта мацы получается, да? <Вы сказали?> два.

ПО: Да, да.

АЛ: А третий еще?

ПО: Я уже не помню, третий... Не помню. Три, а, может быть, и два, я не помню. Моцемел, фарфл. И еще какой-то предмет, я не помню.

АЛ: А пекли мацу сами или приносили откуда-то?

ПО: Вообще я вам скажу, есть, были такие люди, шо они пекли ...ночью – это запрещалось, это судебное дело было. Это закрывали ставни,

закрывали, ходили та вот и потом нам ложили под тенты...эти...моцис. В общем, очень карали за это дело. А сейчас нам привозят с Израиля, с Киева готовые пасхи. Так и у вас в Кие... в Ленинграде...

АЛ: А вот у Вас родители откуда, откуда мацу брали?

ПО: Брали муку, брали немного воды, все мешали, были такие люди, были такие машины, приспособленные, что крутили такую вот ...руль... и она вытягивала эту мацу. Делали частным, частным образом.

АЛ: То есть родители не сами делали, да, или?

ПО: Не-ет, дома нет, это, это же не килограмм, это по двадцать, по сто килограмм. Надо было делать для людей. Люди платили, люди давали всё. И каждому давали...там...Ты заказал пять, она тебе пять, ты заказывал килограмм, она тебе килограмм, ты за... полкило, она тебе полкило.

АЛ: А сколько вот у вас на семью мацы брали...на Пейсах?

ПО: А-А, были разные семьи. Чем богаче, тем лучше. Были богатые. А бедный – что? Что бедный мог? Учитель? Что бедный мог? Он взял себе пять килограмм, ему еще хватало, и хватило. А богатый брал по двадцать, по тридцать, он разда...он имел много детей, и ... раздавал... тонну, тонну, тонну, подарки давал.

АЛ: А подарки родственникам давали вот?

ПО: Были, был у нас один богатый человек, он в Израиле, то он делал всё возможное, чтоб все имели. И курицу он покупал, и давал. И за счет этого, что надо печку топить, это надо дрова, то он привез машину дров этим люд'ям, шо делали... Он давал ...пкусть семья бедны., он давал пять килограмм мацы, каждому бедному человеку он раздавал. За свой счет, он не считался. Ну, он работал <у нас?> на комбинате, колбасу делал, рыбу, эти делал. Он не считался. Он был богатый... Есть богатый, ничего не даст, а он был богатый и давал.

АЛ: А вот тут раньше были богачи, да, вот? Вот, тут дома такие строили?

ПО: А что значит, богачи? В каждом городе, в каждой деревне есть бедные, есть богачи. Без богачей не мож... неинтересно жить на свете.

АЛ: Ага. А вот дом тут стоит вот недалеко, вот у нас рядом с гостиницей...

ПО: А. Это был когда-то, когда-то, я не помню, я его не ви... Какой-то богатый, зав аптекой был. Зав аптекой. Доктор. Зав аптекой. Это было, уже, наверно, был сто лет, я не знаю, сколько было. Мать мне рассказывала, что....

АЛ: А что она рассказывала?

ПО: А?

АЛ: А что рассказывала?

ПО: Что были врачи, богатые люди, они построили дом, что.

АЛ: Вот про этот дом рассказывала, да? Ага.

ПО: Да, да. Одни говорят, что там была еврейская...эта..еврейская синагога, но доказать... шоб мы могли доказать, там было не доказа... Раньше никто не доказывал, все боялись, все сидели в глубоком тылу. Все боялись, одно слово: боялись, боялись, боялись. Машину, милицию, все. Кто

мог иметь право говорить что. И вы могли ко мне когда-то прийти и спрашивать? Я бы вас не пустил, я думал, шо вы какие-то... что вы говорите эти вещи. Все боялись, все. Весь свет боялся, весь свет боялся.

ОГ: А как относились к богатым людям? Их любили, их уважали, или их наоборот не любили?

ПО: Я вам скажу, я вам скажу: я с ними не обращался, я не знаю, что вам скажу. Бедные люди все ходили просить, ну вот те... а я что, я с ними не имел. Я ребё.. пять лет или семь лет... что я им могу? Колесо – в руки, катаю, весь день по улице бегу, и все. В детский садик ходил, я ничего не успел, эти, как немцы напали, так что я мог сделать... Я рад был, что я остался жить. Каким чудом я остался жить? Не только я один, а все – как это так, остались жить, я не знаю.

АЛ: А тут немцы были или румыны?

ПО: Немцы и румыны.

АЛ: И те, и другие, да?

ПО: Да. Я ни вообще не знаю. Я ни...я ни... я чокнутый...не только я один – все чокнутые...как мы остались жить, я не знаю. Лежать на полу, ни кушать, ни... свой <буряк? 27:37> кушать где вы видели, где картошку, скорл'упу? Где? Я не знаю, я не знаю, я не понимаю. Я не понимаю, я поэтому такой <дикий/тихий? 27:52> человек.

АЛ: Ну а вот в детстве... а вот когда был Цейдер...это папа играл в цейдер?

ПО: А кто же? Цейдер, конечно. Созвал всех людей, наливал бутылку вина...домашнего, я не помню. Красный бокал у нас был. У нас был столько, столько лет...

АЛ: Красный? Красного цвета, да?

ПО: Да, красный.

АЛ: А из чего он? Он металлический?

ПО: Не, не, стекло.

АЛ: А, стекло.

ПО: Стекло, красный бокал наливали, каждый, сидели за столом. Яички лежали, <хро?... 28:30> лежал, маца лежала на столе, укрытые таким...

АЛ: А что-то написано на бокале было?

ПО: Ну...а...сын мой по... упала у него, побилась. Столько лет, миллионы лет. Он передавался от поколения к поколению. Он развил, и все.

АЛ: А дети что-нибудь, что делали дети во время Цейдера?

ПО: Сидели, смотрели, что папа де...говорит.

АЛ: А вопросы задавали?

ПО: Какие вопросы...ребенок...?

АЛ: А песни пели?

ПО: Песни? Папа наш, он пел...там, от это само... я...что...

АЛ: А вот, Сыркашас - знаете такие?

ПО: Что за Сыркашас?

АЛ: Сыркашас, нет, не слышали такого?

ПО: Какой?

АЛ: Ну вот вопросы, которые дети задают во время Цейдера...нет, не было такого?

ПО: Не-е.

АЛ: А вот Сык'оман, а Сыком'ан? Ну вот кусочек мацы прятали?

ПО: А, обязательно, кусочек мацы.

СИ: Сидите, сидите, я сама...

АЛ: А как он назывался?

СИ: <неразб., 29:42>

ПО: О, она знает, я не знаю, я не знаю.

АЛ: И что прятали, вы же маленькие были?

ПО: Прятали, вот, на столе она лежала, ну, было накрыто белой салфеткой.

СИ: Ну прятали куда-то там в какое-то место, и его находили.

ПО: Я не знаю.

СИ: Сидите, сидите, сидите, сидите, я сама.

ПО: Я не помню.

АЛ: Ясно.

ПО: Я не помню, я не помню.

АЛ: А вот какие праздники ...еще...вот для вас были...такими...важными? Вот, Хануке?

ПО: А, Хануке деньги дают! Деньги! Это самый дорогой для детей, это самый дорогой. Вот мой сын тоже... Деньги дают. И бабушка дает, и дедушка дает, все со всех концов кидают деньги.

АЛ: Помните, а что с деньгами делали? Покупали что-нибудь?

ПО (смеется): А что можно делать еще?

АЛ: А играли?

ПО: Кто?

АЛ: В какие-нибудь игры на деньги?

ПО: Не-е-т, бог мой, они еще не понимали, кто понимал...

АЛ: Не, дети играли на деньги?

ПО: Не, не фокусы не лю...

СИ: Дети были забитые.

ПО: Мы были забитые...ой, шо вы знаете, шо вы...

ОГ: А как эти деньги назывались на идише?

ПО: Гельт.

ОГ: Хануке гелт?

ПО: Да.

СИ: Хонуке гелт.

ПО: Гелт, гелт, оно не меняется. Хонеке гелт. Только дно слово. Хонеке.

АЛ: А вот Сикес помните, праздновали у вас?

ПО: Сикес помню, мы праздновали Сикес. Праздновали, праздновали.

АЛ: А строили Сику?

ПО: Ну конечно, синагогу строили, синагогу.

АЛ: А где она была у вас?

ПО: Ну, на центральной.
СИ: На Копцевинке была синагога тоже.
ПО: Вся, вся <добыча? 31:25> в Копцевинке.
АЛ: Сика где была?
ПО: Сика? Ну, на Копцевинке. (смеется).
АЛ: Одна что ли была, да?
ПО: Была еще, я знаю, я ходил за сикой смотреть....
АЛ: Но она прямо в доме была, или во дворе строили, как?
ПО: Во дворе, на улице.
АЛ: А из чего строили?
ПО: Из деревьев, из ве...
СИ: Веток.
ПО: Ветки, ветки брали. Были специальные люди, привозили. Делали, все.
АЛ: Так а не страшно было, что...ну, это все-таки все видят, да?
ПО: Не, до войны...а после войны...а кто...после войны делал...фокусы.
СИ: До войны же.
АЛ: А кто-нибудь делал в домах?
ПО: Никто, никто не делал. Никто, никто. Это в Молдавии, где-то может...
СИ: У нас тоже не делали...
ПО: В тех краях делали, может быть, а тут...
СИ: Все было разрушено, все было, тут такое было, ой...
ПО: Все было разрушено, все было разрушено.
АЛ: А вот Пирем вы помните, как праздновали до войны?
ПО: Пирем, да, дают <неразб.? 32:25>, да, Сонь?
СИ: Носили шалахмунес...
ОГ: А кто носил шалахмунес?
ПО: Ну, родители давали детям, чтобы они принесли, там родственникам, и тем давали, или не имели, то кидали деньги.
ОГ: А что там было, что это такое носили?
ПО: Пирожки с маком! Пирожки с маком!
СИ: Те, которые побогаче, те торты делали, всякие делали, и студень делали, и все, что хотите, понимаете, что побогаче. Он относился к бедной семье, понимаете как он был из бедняков. Знаете как, поэтому...
АЛ: Ну вот дети когда приносили шалахмунес, им давали...
ПО: Деньги, деньги давали...Гелт.
АЛ: А дети друг друга, друг друга угощали, что-нибудь?
ПО: Тогда же не было конфет... (смеется)
СИ: Не то, что сейчас, да...
ПО: «Птичье молоко» не было, нет. Торты не были.
ОГ: А кому носили шалахмунес - знакомым или родственникам?
ПО: Знакомым, родственникам...знакомым, родственникам.
ОГ: А всем знакомым надо было отнести, или только самым...?
ПО: Не-ет, самым близким.

СИ: Самым близким – один – два, по силе.
АЛ: А вот, помните, после Пейсаха ... вот... Омар... или Сфире?
ПО: Не, не, я не помню. Я не помню, я не помню, я не помню.
АЛ: Считали дни, там, до следующего праздника, нет? А вот Швис?
ПО: Швис... это когда дожди идут, да?... или что-то ..Швис, я не помню.
АЛ: А когда дожди идут?
ПО: Швис, по-моему, швис.
АЛ: Это когда – осенью, весной – дожди у вас?
ПО: Ве... Осенью.
АЛ: Осенью, да? Ага.
ПО: Осенью, по-моему, осенью.
АЛ: А это что, это известно, что на праздник дожди идут, да?
ПО: Ну да, так русские говорят, не знаю. Русские говорят: если начинается швис, то дожди идут.
АЛ: А правда это?
ПО: Оно совпадает.
АЛ: Совпадает, да?
ОГ: Это русские говорят так, евреи не говорили?
ПО: А-а, евреи нет, русские <неразб., 34:39> дрейн, дрейн...
СИ: На <сухо? 34:44> идут дожди.
ПО: Идут дожди. И точно совпадает.
ОГ: Они обычно любят всегда знать, когда будет идти.
АЛ: Спрашивают, да?
СИ: Они думают, если начинают дожди идти, всё, ливневые дожди, они считают, что это уже еврейские кучки.
ПО: Кучки, кучки, кучки.
АЛ: А почему называется кучки, вы не знаете? Почему они так говорят?
СИ: Я не знаю. Я думаю, что это потому что люди своего рода кучковались, потому что они собирались вместе...
ПО: Урожай снимали.
СИ: Урожай снимали... тогда же жнивье было, и так далее, я думаю поэтому.
ПО: Они совпадают. Как начинаются кучки, так дожди. Идут! (Смеется). Вообще... такая нация у нас вся заплакана. ... Вечно у нас ... плачет.
АЛ: То есть дождь – это плач такой, да?
СИ: Ну, в Израиле молятся, чтоб дожди были же. В Израиле молятся, чтобы урожай был.
АЛ: А вот такой праздник, когда молочное едят, не помните?
СИ: Швиз.
ПО: Швиз, швиз. Она больше помнит, чем я.
СИ: Ну я моложе...
АЛ: А вот не было такого, чтобы зеленью украшали дом, синагогу?
ПО: Ну так конечно, это же как <неразб., 36:08>
АЛ: Когда?
СИ: Это на ... Швиз.

ПО: Швиз, Швиз, Швиз.
СИ: У русских людей <неразб. эти самые ...кустарники? 36:19>
АЛ: Это Троица?
ПО: Троица, да, да, да.
ПО: А у вас дома ...вот...синагогу украшали вашу?
ПО: Ну конечно, все было...
СИ: Это до войны.
ПО: До войны, после войны все ...
СИ: После войны синагоги нет...
АЛ: А чем украшали до войны?
ПО: Деревья <ми?>, листьями.
АЛ: А деревья любые брали? Не помните, какие там?
СИ: Иву.
АЛ: Иву, да?
ПО: Пошли, Сонь! Пошли!
СИ: Не-а.
ПО: Нет, они не пойдут...я ничего не крутил...там, это, стрелки...
АЛ: А траву тоже брали?
ПО: А?
АЛ: Траву тоже брали?
ПО: Не-е, не.
СИ: Это у русских, травой устилаются...дома. Ивой.
АЛ: А вот до войны когда ходили на кладбище?
СИ: По понедельникам, по четвергам.
ПО: А, какие дни? Понедельник, суббота – нет, никто не идет.
СИ: Пятница тоже до половины дня.
ПО: Пятница тоже.
АЛ: Это вот только накануне Рашашуна, да?
СИ: Нет, почему, кто когда идет...
ПО: Почему...кто кому...как кому нравится. Только субботу, пятницу – со второй половины не идут. А так – захотели сегодня - сегодня... А то, люди же приезжают с Америки, с Англии, с Германии.
СИ: Есть поминальные дни у людей, ест дни рождения...например, в воскресенье у моей мамы день рождения. Я поеду на кладбище.
ПО: Ну, идут!
АЛ: А в день рождения, да, тоже ходят?
СИ: Ну, я иду, я иду. Самый близкий мой человек.
АЛ: А вот летом посты были, вот. Помните, постились еще? Ну вот на Йонкипе постились, да? А летом?
ПО: Йонкипе...
СИ: Ну, было еще девятое августа, после...
ПО: Я не знаю, я не знаю. Йонкипе, всё!
СИ: Обычно чаще всего на Йонкипе...
ПО: Йонкипе пост, один раз в году пост, больше я не знаю.

АЛ: А вот был такой праздник весной, когда дети вот там, играли, ну, детский праздник, может быть, называли его. Лакбоймиз, не слышали?

СИ: Лакбоймиз, да, тоже отмечали.

АЛ: Отмечали? А как отмечали?

ПО: Я не помню, я не по...

АЛ: Не было, чтоб ходили за город, там, нет?

СИ: Костры разжигали, ну это, знаете, знаете, что, может быть, до войны такое было, после войны ничего не делали.

ПО: Я не знаю, ничего не знаю.

СИ: Одно время...вы же знаете, как религия была ...в загоне. В загоне была религия, так что знаете как...

ПО: Я не знаю, не знаю...А как у вас в Ленинграде, всё празднуют?

АЛ: Ну, кто как.

ПО: Кто как?

АЛ: Там все-таки большой город. Здесь... там евреи не знают друг друга, а здесь то все-таки все знают друг друга. Все у вас знают друг друга, евреи, или нет?

СИ: Вы знаете, мне с Израиля зв'онят подружки, они мне рассказывают, что мы тут больше отмечаем праздников общиной, чем они там. Они там разрозненны, каждый живет в своем доме, каждый имеет свое, как говорится, заходит и даже соседа не знает.

АЛ: Ну, вы здесь всех знаете, да?

СИ: Ну, в основном, да...

ПО: Сколько нас?

СИ Нас уже осталось очень мало. Нас осталось очень мало. А потом по роду службы, понимаете, как, мне надо знать некоторых людей, знаете, что....

ПО: Соня, ничего не выйдет.

СИ: Ну, не выйдет – не выйдет, что я могу делать.

АЛ: Ну, вот вы тоже всех евреев, наверное, знаете здесь?

ПО: Я, никогда, я сейчас ... все...никуда не хожу, никуда... Если я куда-нибудь...

СИ: Он знал всех...потому что ...работал на фабрике и так далее...

ПО: Все знали меня и я всех знал... а щас я не знаю никого. И они меня не знают. Они меня все знают. Сколько...

СИ: Щас осталось мало людей...

АЛ: А вот до войны когда молились в синагоге у вас, вы с мужчинами молились или с женщинами тоже были?

ПО: Не-ет.. с мужчинами...

АЛ: С мужчинами, да?

ПО: Я же был маленький, ребенок же был я, что я могу с ними...

АЛ: С женщинами, да?

СИ: Ему было девять лет, что он мог? Когда началась война.

ПО: Я мог только зайти, посмотреть и закрыть, больше ничего.

АЛ: А вот еще вы говорили, что в синагогу там приходил...приходил русский, зажигал или гасил свечи, да, когда это?

ПО: Д-а, еврей не имел права тушить и разжигать в субботу.
СИ: В субботу.
АЛ: Так они зажигали или тушили?
ПО: Да, он имел такую длинную высокую палку, и там колпачок был какой-то...и он с этой палкой – раз! – потушил.
СИ: В субботу евреи не имели права <неразб.,40:58>
АЛ: Это вечером в субботу, по...
ПО: Да, да, да.
АЛ: После молитвы, да?
АЛ: А вечером на следующий день...
СИ: Следующий...зажигал.
АЛ: Зажигал, да? Ага.
ОГ: А как называлась эта палка, которой зажигали?
СИ: По еврейским законам русские же зажигали, и очаг дома, и все это самое...
ПО: Я не знаю, как это будет по-еврейски.
СИ: Ты сказал, что они не сделаю...Ха-ха-ха.
ПО: Ну, идут!
СИ: Конечно.
АЛ: А вот, не помните, на Рашашуна, вот там, ходили к реке, куда-нибудь, вот...
СИ: Это другой был ...
АЛ: Цветы бросать, ташлах там...
СИ: А, ташлах, когда ходили...<вверх, трусили?>. Ну, это были...карманы вытряхивали, ну это все.
АЛ: До войны не помните?
ПО: Я не помню.
СИ: Это все до войны было.
ПО: Я не помню, я был ребенком, что я помню. Я знал свое дело – бежать...
СИ: С колесом.
ПО: С колесом бежать, и всё. И драться, и ходить по лужам... был'о... пойти покупаться, я любитель был купаться, <неразб., 42:06>
АЛ: А до войны такие, было такое время, когда нельзя купаться?
ПО: Ну конечно, конечно.
АЛ: А когда?
ПО: Пост, еще один месяц, вот этот июнь-июль. А потом уже вода сама становится зеленая, холодная...Нет, конечно. Сейчас июнь, июль – это самый лучший месяц, самый....
АЛ: А вот по еврейскому календарю не говорили, что вот...
ПО: Ну они говорили, но еще не запоминал.
АЛ: Не помните, да?
ПО: Я знал... Мать, конечно, говорила, что подходит такой день, что уже нельзя купаться уже...
АЛ: Не помните, какой?

ПО: Не, не, я не помню.

СИ: Обычно, говорили, по русскому обычаю, на Ильи нельзя уже купаться.

АЛ: А у евреев такой день был? Или..

СИ: По-моему, я не знаю.

ПО: Я не помню, я был девять лет, ребенком.

АЛ: А вот вы не слышали, почему на Илью нельзя купаться? После Ильи?

СИ: Ну наступает уже период, когда и вода холодная становится, она начинает, знаете, она на островках, знаете, этим, ряском зарастать, понимаете, как вот эти самые... И уже можно и запутаться, и утонуть...

ПО: А как в Ленинграде, вы не купаетесь там? (смеется)

АЛ: Ну там негде особо.... Грязная, грязная очень вода.

ОГ: Грязная, грязная вода.

ПО: Нет и городских пляжей, разве в Ленинграде?

ОГ: Ну, пляжи есть, но грязные.

ПО: Грязные.

ОГ: Расскажите, а были какие-то игры, в которые играли дети...еврейские игры?

ПО: Я вам скажу...я ходил...

ОГ: Какие-то игрушки?

АЛ: Ну вот колесо...

СИ: Юлу крутили, <дредл?> ты ж крутил?

ПО: Ну, это вот...

АЛ: Так это вот все время крутили, или на Хануку только?

СИ: Не, на Хануку.

ПО: На Хануке.

СИ: Потом они имели...они играли в лапту, знаете как, с русскими детьми со всеми.. то в лапту, то в городки...то еще какие...

АЛ: А <дредл?> крутили...на Хануке...на деньги играли? На деньги играли?

ПО: Не-ет. Игрались просто дети, что. У детей не было денег.

АЛ: Понятно.

ПО: Отец маме показывал деньги, нам - нет.

АЛ: А как он выглядел этот...<дрейдн?>, из чего он был?

СИ: Я вам покажу. Вот привезли подарок нам с киевского Сахнота. Вот это <дрен?>, вот это юла.

ОГ: А у вас похожий был в детстве?

ПО: Нет, больше был.

ОГ: Больше, да? А из чего он был?

ПО: Железо.

ОГ: Железный?

ПО: Да, да, как все дети играют в садике.

СИ: Еще у них была такая, я не знаю, как в России никак не называется – ламбда тут называлась, когда били со свинцом...били кусочек меха. Знаете, такой вот... Мехом били, знаете, как...такой вот.

АЛ: Как называлось?

СИ, ПО: Ламбда.

АЛ: Ламбда?

СИ: Ламбда. Да, так она называлась, правильно это или нет, я не знаю. Вот это вот такая вот юла. Это подарок нам с Сахнота... киевские... дали.

АЛ: А вот Вас... Вы записаны Пиня или Петр?

ПО: Пиня.

СИ: он остался Пиня, но <неразб., 45:28> Петр.

АЛ: А Вас назвали в честь кого-нибудь, да?

ПО: Дедушки.

АЛ: Дедушки, да? Дедушка тоже был Пиня, да?

ПО: А мой сын ...

СИ: А сыну он сказал, что не пойдет аттестат зрелости брать в школе, если он запишет Петр. Они изменили ему имя. Значит, он остался у нас ...Пиня, а сын наш остался Петрович. Ну да, он поступал в такой институт, и все...

ПО: Ну да, а зачем мне...

СИ: «Вы мне испортите жизнь!», - кричал он.

ПО: Это надо все документы менять.

СИ: Вот, а ему заставили.

ПО: Все ...И хорошо, что я не поменял.

АЛ: А сына назвали в честь кого?

СИ: В честь моего отца. В честь моего отца я назвала своего сына. Моего отца звали Йосифом. Вот это мой сын, я вам говорила о нем. Это мой сын, это мой сын с невесткой, это мой внук уже. Это мой сын уже в кабинете сидит. Это они приезжали летом сюда. Вот это мой отец, который мне рассказывал, что...

ПО: Пиня...

СИ: ...с моей мамой восемь лет дружил.

ПО: Пиня <неразб., 46:34>, и всё.

АЛ: А вот было такое, что если вот не назовут, вот если у человека нет детей, то кто-нибудь может назвать его именем.

СИ: Да, вы знаете...

ПО: Да, и платят деньги за это...

АЛ: Платят деньги, да?

ПО: Да.

СИ: В старину, в старину, это не сейчас. Сейчас уже некому тут рожать и так далее. А раньше было так, что... что у нас в Молдавии, что тут, значит... Ну, была такая семья, что не к кому было, детей не было, всё. Можно было, значит...семьи были многочисленные, было по восемь, десять, двенадцать детей, всё.. Можно было попросить в этой семье, значит, дать деньги, вот, чтобы они дали имя этого человека, какого хотите. Ну, естественно, они

подарки им давали за это, знаете, как уже...боготворили этих людей за то, что они дали имя, понимаете. Щас уже некому ничего. Мы уже... данные имена наши - дедушек, бабушек и так далее.

АЛ: А вот как-нибудь это называлось, если у человека есть кто-то, кто заплатил, чтобы имя ему дали?

ПО: Не знаю, не знаю.

СИ: Сейчас, сейчас, например, я могу сказать, у меня умерла мама, вот, и я не имею кто, чтобы дать имя. Потому что мой внук носит имя его мамы, понимаете как. А моей маме уже не досталось, хоть моя мама умерла раньше. Понимаете как, некому, некому.

АЛ: Сейчас некому, да?

СИ: Да, не имею кому. Я бы очень хотела, чтобы дать... имя своей мамы... увековечить, понимаете. Некому.

АЛ: А вот бывает, что снятся умершие?

СИ: Бывает, еще и как. Еще и как. Бывает, что снятся умершие, бывает, что они и говорят с тобой вроде. Бывает, вот моя мама, вот, молча заходит, как бы заглядывает ко мне в спальню... Я очень часто вижу маму. Но в таких случаях говорят, что по-еврейству надо купить что-то хлебное – или булочку, или печенье, или что-то, и раздать людям. Понимаете, на кладбище сходить, понимаете.

ПО: Где вы живете в Ленинграде, где-то в Центре или далеко?

АЛ: Да, на Васильевском острове.

ПО: А-а. Где-то на Васильевском.

ОГ: Говорят, что если снится умершая, это хорошо или это плохо?

СИ: Иногда говорят, что это к дождю.

ОГ: Да, к дождю?

СИ: Иногда говорят, что это к дождю. Что если снятся умершие, что, может быть, дождь. Понимаете, вот это такое бывает еще.

АЛ: А бывает, что что-нибудь говорят, вот, во сне, или, там, просят?

СИ: Все бывает, все бывает...

ПО: Что, у вас нету такого?

СИ: Они бывает, это... всё... часы пошли... это самое... бывает, что снятся эти самые умершие, бывает, что они когда-то что-то просят, понимаете, как это самое. Вот, например, когда умерла моя мама, мне приснилось, что моя мама мне говорит: «Дай мне пятьдесят рублей». А я говорю: «Для чего тебе нужны эти деньги?» Я говорю: «Мама, я заплачу за тебя». - «Мне надо кому-то там отдать». Я пошла, отдала пятьдесят рублей, понимаете, вот просто так, отдала, просто так отдала...

АЛ: Вот кому она сказала?

СИ: Нет, просто так.

АЛ: А, просто раздавать нужно, да?

СИ: Потому что моя ж мама жила ж в Молдавии, а потом она переехала сюда, я сделала ей обмен ей квартир в нашем же доме, и моя мама через месяц умерла, и эту квартиру я потеряла. Мне очень много это стоило денег, всё это самое, все, понимаете... и моя мама похоронена здесь. И это даже к

лучшему, потому что в Молдавию сейчас поехать невозможно. Эти границы, и все это самое, знаете как. Так что это даже к лучшему, что ...моя мама похоронена здесь. И вот она сказала, что она хочет, чтобы это самое... я должна пятьдесят рублей. Я разд'ала эти деньги. То есть она мне снится – я, допустим, там, покупаю пирожки, булочки.

ПО: А евреев много в Ленинграде или тоже мало?

ОГ: Есть.

СИ: Больше же, чем в Тульчине...так что такое...говорят, что...

АЛ: Обрезание сейчас делают?

ПО: Не-е. Детей нет, нет такого.

АЛ: Детей нет?

ПО: Нет. Обрезание...

СИ: Что такое? А, обрезание. Кто делает обрезание? Мы своему сыну тоже не делали. Мы своему сыну не делали в Молдавии, хотя он родился там в Молдавии, он у меня родился, мы ему обрезания тоже не делали, потому что... во-первых, там синагоги не было уже, синагогу уже перевели на спортзал, понимаете как? И мне предлагали, значит, люди, что они мне привезут даже с Одессы человека, который будет делать обрезание...в общем, все... Ну, мы, конечно, отказались с мамой тогда...Все, часовых мастер дел...

АЛ: А вот вы когда маленькие были, до войны, вы видели какую-нибудь свадьбу?

ПО: Что значит, конечно, ви...

АЛ: Да? Ой, а не расскажете, как это было?

СИ: Ты Хипе видел? Ну, так вот расскажи, как делали Хипе.

ПО: Да. С палками делали, да...<неразб., 51:31>

АЛ: А где ставили Хипе?

ПО: На улице.

АЛ: На улице, ага.

ПО: И завели молодежь, молодые, туда, там что-то почитали книги...с книжки...этот...ребе. И танцевали, и обнимали, и целовались. Потом пришли ... так Хипе было.

АЛ: А музыканты были?

ПО: Музыканты?

СИ: Клезморим!

ПО: Конечно, конечно были. ...<неразб., 52:02> Что за веселье без музыки (смеется).

АЛ: А клезморим были евреи, или?

ПО: Евреи, евреи, евреи.

СИ: Тут даже похоронная команда была в Тульчине...я помню, когда я приехала сюда в Тульчин, то похоронная команда была, в смысле музыкантов...были тоже евреи.

ПО: А скрипка была...

АЛ: Специальная, да?

СИ: Специальный был оркестр такой с барабаном... с барабаном били, это самое, и, значит, похоронная музыка была, помнишь, это самое? Пиня ходил и бил в этот барабан, и, это самое, Александр'овский... помнишь, да?

АЛ: Это похоронная, да? Скрипка, флейта, барабан, да?

СИ: Не, не, не. Скрипки на похоронах не играли. На свадьбах скрипки были.

АЛ: А почему на скрипке на похоронах? Это не принято было, или?

СИ: Мы не знаем, мы не знаем. Но идет похоронная процессия, потом, значит, были всякие эти самые...

АЛ: А на свадьбах какие инструменты были?

ПО: Ну тоже были все, все. На свадьбу были все. Скрипки были..

СИ: И аккордеоны были...

ПО: И аккордеон был, все есть, да. Ну, ...это нет.

СИ: Туш били, в литавры эти... туш били... на свадьбу, всё.

АЛ: А встречали гостей, провожали, вот, музыканты, да?

ПО: Ну конечно, конечно.

АЛ: А как вот это... называлось как-то? Были специальные такие мелодии?

СИ: Марш..

АЛ: Марш это называлось? А какой марш?

СИ: Любой марш... какой, как в наши дни, любой марш.

АЛ: Вот когда гости приходят, да?

СИ: Да. Играли марш, а к ним подходили, давали за то, что они сыграли марш, деньги им давали.

АЛ: А это не называлось «Добрая ночь», «Добрый день»?

СИ: Не, нет, нет. Просто встречали гостей маршем, провожали гостей маршем. А эти люди, значит, знали, что если марш сыграть, значит, все имели в карманах деньги. Для того, чтобы за марш этот платить, понимаете, как, так что...

ПО: Танец...

СИ: А если захотели еще вы танец лишний станцевать, и так далее, и если хозяева не сговаривались за цен'у, которую хотели эти музыканты, то значит... вы хотите танцевать? Платите деньги...

ПО: Танцуйте...(смеется)

СИ: ...Платите деньги... и все. И знаете... а если в зависимости от того, какого состояния были люди... если это были богачи, то кидали эти деньги, знаете, так? Один перед другим старался выставиться, понимаете? Кидали эти деньги, кто как хотел. Их кидали большими суммами. Они набирали больше, чем ту сумму, что у хозяина они просили, понимаете, как. Так что у нас за марш давали всегда. Приходил, ты уже знал: любая свадьба, ты приходишь – знаешь, что за марш надо платить, понимаете, как. Заходит это самое, и старались люди так зайти, чтобы, значит... допустим, марш вам сыграли, так? - чтобы следующая пара зашла, чтобы снова сыграли, понимаете как? Чтобы они... они хотели деньги, а люди хотели, как вам сказать...

ПО: Почет!

СИ: Почет, ку...по-еврейски, ку <неразб., 54:52> Понимаете, как они хотели. Так они это самое.... А в зависимости, если еще шел богатый человек, он хотел показать себя, так он кидал деньги.

АЛ: А запрещалось вот...там...более уважаемым, там, одну музыку, менее уважаемым другую...

СИ: Нет, нет.....

АЛ: Всем одинаково играли. Да?

СИ: Музыка была одинаковая, но единственное что, я же вам говорю, они выставляли себя всем на показ, что они деньги кидали больше, понимаете, что они богатые люди, понимаете, показать себя хотели. Это своего рода была как показуха, понимаете как? Поэтому они так старались...

АЛ: Это после войны, да, уже было?

СИ: Это было и до войны тоже, правда, Петя?

ПО: Да-а.

СИ: Это было до войны тоже, но в основном это я вам рассказываю послевоенн... потому что до войны мне было четыре с лишним года... что я могу знать...понимаете как..это я просто вам рассказываю послевоенное такое, понимаете как, послевоенное... Ну и в зависимости от того, какое состояние у этих людей, понимаете как, естественно... И наряды были, приходили, знаете как, и...

ОГ: А какие наряды, были какие-то специальные?

СИ: Ну наряды были...каждый шил себе ...как хотел... <неразб.> какой хотел ткани, какой хотел ткани, в общем, такой был....

АЛ: А вот когда подарки дарили, там, тоже старались показать, там, более богатые подарки там...

СИ: Были ...то давали конверты, давали конверты. То давали...никто не знал, сколько. Понимаете, как. А потом люди стали бессовестные, понимаете, как...конверт дают, а в конверте либо рубль, либо вообще ничего, бумажка, понимаете, стали обманывать, так вот, это самое....

АЛ: Ничего себе.

СИ: Стали люди так ...

АЛ: А неподписанные конверты, да?

СИ: Неподписанные. Я с тех пор, вы знаете, как я услышала такое, я туда не иду, я подписываю свой конверт. Понимаете как, я не хочу, не хочу попасться, знаете, в просак, знаете. А вот они...знаете как...готовили конверты...конверты, это самое. И еще, вы знаете, как еще получалось, там получалось...ну, по-еврейски, Хосн сод и Колын сод, знаете? Со стороны жениха и со стороны невесты. Ну вы поняли, да, что я сказала? Хосн сод и Колын сод. То, допустим, гости Хосына получали одни конверты, значит, стояли папа, мама, допустим, получали конверты. Колын сод получали своих гостей конверты. Потом они, значит, все вместе, все это самое.

АЛ: Ну соединяли, да?

СИ: Ну да, потом уже соединяли.

АЛ: А кто кому, кто кому дарил?

СИ: <неразб., 57:17>

АЛ: Это вот гости со стороны жениха?

СИ: Вы жених и невеста, вот жених и невеста. Я приглашена со стороны вас, жениха. Значит, я подхожу к маме-папе жениха, если их нет, то рядом, значит, отдаю жениху деньги. Те подходят к невесте, дают невесте... потому что люди ведь не знакомы... гости эти, понимаете, как, все это... И вообще на еврейских свадьбах ... очень всегда пшались очень, это самое, со стороны жениха приглашенные...они, так... жених был, знаете как, это самое...

АЛ: Обижались?

СИ: Нет, они пшались, это по-украински я сказала...это...ну...они... себя возносили, как бы, понимаете...я со стороны жениха! Я...понимаете, как, приглашена. Знаете, невеста как... как у мусульманских народов, знаете, как, женщина, вот, понимаете, как...то вот так вот было, вот.

АЛ: А бывало такое, что вот...гость знает и сторону жениха, и сторону невесты..

СИ: Ну, бывает, иногда просто подходят к жениху и невесте ...

ПО: Угощайтесь, пирожки...

СИ: Нет, нет, Петя, они это не едят, не едят это.

ПО: Чего?

СИ: Или вы кушаете это? Я знаю, что они кошерные (смеется). Я знаю, что вы...

ОГ: У нас завтрак только что был, недавно.

СИ: Я просто знаю, что они кошерные, поэтому я не предлагала ничего, поэтому я так...

ПО: <неразб., 58:35> предлагать п'ирожки. Будете в Ленинграде, вспомните Тульчин ...п'ирожки.

СИ: Это самое...понимаете, как...конверт жениху, конверт жениху протянули. Жених чаще всего, не невесте - жениху...понимаете как...

ПО: Вы скажите, вы потом еще кроме Тульчина, где-то бывали?

СИ: Петя, не мешай людям работать.

АЛ: Нет, мы сейчас только в Тульчине. Мы ездили в <Гайчин? 58:56> еще один день, да, да.

СИ: Петя, не мешай пока. Вот, и потом, значит, это самое, невесту приводили ее родители, жениха приводили его родители, и, значит, туда, под купой, понимаете как, под купу их туда подводили.

АЛ: А вот накрывали невесту, там вот, платочком или фатой?

СИ: Да, да, фатою накрывали.

АЛ: Фатой, да? А как это происходило, кто накрывал?

СИ: Она шла накрытая. Она шла сразу накрытая фатой, понимаете, как? А потом, когда ее подводили к жениху, он открывал фату. Жених открывал фату.

АЛ: И закрывал снова или как?

СИ: Нет, уже все, уже все. Он открыл эту самую фату.

АЛ: А вот разбивали что-нибудь, там?

СИ: Это же, я не знаю... разбивают на Кнёсомол, когда сватанье происходит, это тогда развивается, понимаете, когда... договор происходит.

ОГ: Как это называется, сватанье?

СИ: Кнёсомол, кнёсомол. Понимаете, то тогда на Кнёсомол как бы договор происходит, понимаете, как... вот тогда разбивали тарелку.

АЛ: А стакан?

СИ: Я не видела, я видела тарелку. Я видела, чтобы били тарелку, в общем ее так это, завернули ее в салфетку, в общем, она разбивалась...

ПО: Полотенце.

СИ: Полотенце, да, вот Петя знает лучше... Полотенце, значит... и разбивали ее, а потом как бы давали ее на хранение, да, Петя, ее? Ее давали на хранение..

АЛ: А кому? А кто хранил?

ПО: Жених и невеста.

СИ: Жених и невеста, по-моему.

АЛ: Ну так как, они же еще не поженились.

СИ: Ну так они... тарелку разбивали на сватанье.

АЛ: Да, на сватанье..

СИ: На сватанье, они стали женихом и невестою, понимаете как. Тогда и разбили эту самую тарелку в знак того, что уже сватанье состоялось. А потом у них свадьба была...

ОГ: А где они хранили эту тарелку?

СИ: Я не знаю, где ее хранили...

АЛ: Ее нужно хранить, да? Считалось, что это вот...?

СИ: Я не знаю, Петь, мы хранили или нет.

ПО: Э-э, положили на чердак.

СИ: Где-то ее хранили...

АЛ: А не было таких рассказов, что кто-то там ее выкинул там, это тарелку?

ПО: Никто не выбрасывал.

АЛ: Все хранили, да?

ПО: Все хранили.

СИ: Я знаю случаи, что в Тульчине были, что били тарелку, договор был, все, это самое... и расторгалось, все... бывало такое тоже, что расторгались эти самые...

АЛ: А что-нибудь нужно было делать специально, чтобы расторгать, или?

СИ: Не, просто отказаться...

АЛ: Отказался, да?

СИ: Отказалась от жениха своего... не хочу его, и все... и будь здоров.... Не хочу его и всё... и всё.

(ПО смеется.)

ОГ: А что такое ворт, вы знаете?

СИ: Ну, ворт – это и есть договор.

ОГ: То есть это то же самое, что Кнёсомол?

СИ: Да, это слово дали, это на свадебн... это самое... пожали между собой руки, дали слово, что вот дают, это самое, женят и все.

ОГ: Это родители договариваются, да?

СИ: Да. Это договаривались родители, все, это самое, все.

ОГ: О приданом?

СИ: Договаривались, сколько стоит свадьба, кто из них даст на свадьбу, кто что дает на свадьбу, понимаете, как это... Ну, у евреев чаще всего свадьбу делала невеста.

ПО: Кушайте п'ирожки, скушайте.

АЛ: Спасибо.

СИ: Вот...

ПО: Уедете в Ленинград, будете жалеть.

АЛ: А вот если жених и невеста в одном городе жили... вот было такое, что... жених вот выезжал из города все равно, чтобы въехать потом, нет, не было?

СИ: Я не знаю такого. Я знаю, что жених с невестой до свадьбы не должны были видеться, а потом его привели, ее привели, и туда, под этот самый.

ОГ: Они не виделись – они вообще не знакомы были, или?

СИ: Нет, они были знакомы, но в день свадьбы, в день свадьбы.

ПО: Теперь скажите, пожалуйста, у вас есть семьи, семьи есть? Не выехали никуда?

АЛ: Нет, не выехали... Вот здесь... (ПО смеется) А вот считалось... не считалось опасным, что вот же... ну, вот, жених там, или невеста... накануне свадьбы... что их там нужно как-то охранять, что они ходить не должны, нет, не говорили?

СИ: Я знаю, что, что, это самое, когда я выходила замуж, я знаю, что мой муж находился у моих теток, его привели ко мне, вот это я помню.

АЛ: Ну, его привели, да, он сам не ходит, да?

СИ: Нет, его привели ...его... его сдали в пользование... (все смеются) Понимаете, какое такое вот, было, понимаете. Вот это я знаю, а то, что охраняют, не охраняют.. я не знаю. Я знаю, что просто он не должен видеться накануне свадьбы... не должен с ней видеться. Вот такое вот.

ОГ: А после <неразб., 63:33> есть еще такая вещь - Тноэм.

СИ: Тноэм?

АЛ: Не слышали Тноэм?

СИ: Тноэм?

ПО: Ты не замужняя, нет?

СИ (смеется): Он уже тебе жениха хочет найти в Тульчине.

ПО: У вас есть хороший шотхен тут?

СИ: У нас уже нету. У нас была когда-то шотхен...

ПО: Сейчас...<неразб., 64:03>

СИ: У нас была, у нас была шотхен, но она умерла. Вот вы если будете у такой, у такой Пакывкер - у нее мама было шотхен.

АЛ: А как ее звали... маму?

СИ: Эстер, или как... (ПО): Как звали мать эту вот?

АЛ: Эстер де Шотхен?

СИ: Да, Эстер де Шотхен, по-моему. По-моему, такая она была.

ОГ: А как она, сватала, да?

СИ: Она ...что хотите она делала. Она и сватала была, и квартиры предлагала, и дома продавала, она... в общем, что хотите, сводила, разводила, что хотите делала...

ОГ: А как она сватала, что она делала?

СИ: Ну откуда я знаю, что она делала... У нее был где-то парень, где-то девушка, и она их все это самое...

ПО, СИ: Ну она ходила... <неразб., 64:40> Это был Советский Союз.

СИ: Она ходила, то был ее кусок хлеба. Это был ее кусок хлеба, понимаете?

АЛ: А сколько платили обычно ...вот за свадьбу?

ПО: Я не знаю.

СИ: Я не знаю... Может, за хороший товар больше давали, кто его знает (смеется). Откуда я знаю. Знаете, как...что в цене, кто его знает, как, что в цене, понимаете, как...

ПО: А синагога есть в Ленинграде, не одна, наверно?

АЛ: Да, да, да. А вы...вот нам говорили, что вот эта вот Эстер де шотхен, она сидела там вот в садике...да...вот?... ну вот когда гуляли...ну вот евреи гуляли по главной улице..

СИ: Я знаю, что я видела ее всегда тут, в Тульчине, я видела ее вечно в бегах...вечно она спешила, вечно куда-то шла. И у нее еще были на ногах язвы, открылись у нее, и они были перемотаны этими, тря...ой, этими, бинтами, все это самое...но она бежала, бежала, у нее было море, масса работы.

ПО: Мои родственники познакомились в синагоге... на еврейском празднике они там познакомились.

СИ: В Ленинграде. Это его племянники познакомились там в синагоге в Ленинграде.

АЛ: А вот дедушку, бабушку вы не помните?

ПО: Не-ет, кого я помню...я никого не помню.

АЛ: А вот родители рассказывали про себя, как они познакомились там, вот, как...?

ПО: Не-ет, ...познакомились...Знать ничего не знаю.

СИ: Я вам скажу, он во время войны виделся с дедушкой со своим, то дедушка даже не признался к нему, сказал: «Моего сына нет, он погиб. И он мне не нужен».

ПО: «Он мне тоже не нужен»...

СИ: Он пришел попросить у него кусочек хлеба. Он шел больше ста двадцати километров туда, добирался. Ребенок...ребенок. Если он тридцать второго года, то считайте, сколько ему было во время войны...когда началась война...понимаете, как. И он шел пешком...

ПО: Пешком!

СИ: И он пришел туда, а его дедушка занимался... он вил веревки. Понимаете, как, вил веревки. И ему сказали «Внук! Пришел твой внук, посмотри, кто пришел!» Он говорит: «Ну и что. Моего сына нет, и он мне не нужен». И даже куска хлеба не протянул ему.

АЛ: А почему он так? Это из-за того, что сын погиб, что ли, да?

ПО: Я не знаю, может, был характер такой.

СИ: Не знаю, может, характер такой был, может, такой человек...

ПО: Человек такой... Шел сто двадцать километров...

СИ: Он шел сто двадцать километров пешком... это мы теперь уже узнали... это тогда мы конечно... это теперь уже таксист, шофер, сказал, что это он преодолел сто двадцать километров. Сейчас, вот в наши дни. Буквально, буквально, может, пару месяцев тому назад нам сказали, что сто двадцать километров.

АЛ: Это... это где было, вот сто двадцать километров – это куда?

СИ: Это он шел в сторону Травсенца, туда, все это самое, даже дальше...

ПО: Альгополь!

СИ: Альгополь. Понимаете как...

ПО: Сто двадцать километров!

СИ: И дед... а вы говорите, чтоб он корни деда знал. Как он о нем сказал, что он его знать не хочет, и куска хлеба... Русские люди давали во время войны кусочек хлеба, а тут родной дед сказал, что моего сына нет, и он мне никто. Так чтоб он о нем знал, и чтоб он ... Он ничего не знает. Понимаете... мы почитали... отчима... я же вам говорила, что мы почитали очень отчима, и по сей день мы ходим к нему на кладбище, и все это самое, это... был дорогим нам человеком...

АЛ: А когда вот ваша мама женилась второй раз, фу, вышла замуж второй раз?

СИ: Вышла замуж...

ПО, СИ: В сорок седьмом году.

АЛ: В сорок седьмом году, да?

СИ: Она вышла замуж второй раз за деда нашего. Очень хороший был человек, замечательный был. Еврейский почтальон, его так и называли. Если кто-то хотел сказать, то говорили: «А, еврейский почтальон». Он был единственным евреем-почтальоном на почте... вот... еврейский почтальон.

АЛ: А это что, это не еврейская профессия считалась – почтальон?

СИ: Нет, понимаете, как, это самое, дело в том, что... он... я же вам рассказывала, что он у него были трудувечья, вот, и у него была выбита из сустава рука. Так что работать... он был... он мог работать бы... понимаете, он был очень такой хороший человек, все это... но он не мог работать. Он устроился на почту, то это самое... там все русские люди... просто его называли «еврейский почтальон». Знаете, поселенные евреи, знаете, так, если кто-то что-то искал, кого-то что-то, понимаете...

АЛ: А сейчас вот есть, вот такие люди, про которых говорят... ну там, я не знаю, мясник-еврей», или там «фотограф»?

СИ: Ну, сейчас ...фотограф...вот фотограф у нас есть...Николаевский у нас есть фотограф...

ПО: Один.

СИ: Один еврей-фотограф, очень много лет работает...Он...как говорится, потомственный, у него даже отец у него был фотографом...

ПО: Дед!

СИ: ...дедушка... он как бы потомственный фотограф...понимаете, как, вот, это самое... Я не знаю, Рита давала вам ... или нет, тоже его...в списках есть он, такой, Николаевский?

ОГ: Нет. Не давала, а где его найти?

СИ: А он живет вот тут, вот белый дом видно, да, вот, белый дом? А следующий дом, там строится новенький, вы видели, новенький домик строится? На Ленинской улице прямо, не доходя гостиницы...Вот вы шли так, это самое... А войти во двор, и будет ...красное кирпичное здание, там живет, это самое... Николаевский Абрам Моисеевич, он потомственный фотограф.

АЛ: У него ателье, да, здесь есть?

ПО: Да, да.

СИ: Ну, как ателье...он же работает в Доме Быта у нас.

АЛ: А где этот Дом Быта?

СИ: На Ленинской улице все у нас, в Тульчине все на Ленинской улице (все смеются). Вы знаете, что ...не доходя этого самого...не доходя Тульчинки, как вы к нам идете, то с правой стороны будет этот Дом Быта. Абрам Моисеевич, он потомственный фотограф, вот, он был в эвакуации, вот с ним можете тоже...он потомственный фотограф...

АЛ: А еще вот я не знаю, там сапожники, там портные...вот потомственные...

СИ: Уже таких нету, они поумирали все, все были тут эти самые, были тут, были тут, тут очень много были, и портные были, и сапожники были, все они поумирали...

ПО: Никого нет.

АЛ: Мясники, может быть.

СИ: Мясники были тут тоже, <шохеты?> были тут, понимаете...<шохеты? неразб., 70:56> - резники, вот эти самые. Птицу..

ПО: Все умерли.

СИ: Поумирали. Понимаете, это уже были немолодые люди. Понимаете, все поумирали...вот, так что, это самое...А уже осталось...знаете, как говорят, кто в Тульчине остался. Если вы не поймете по-еврейски, то я вам переведу. Если вы поймете по-еврейски, да? Нарунам...знаете что такое нарунам? – глупцы. Нарунам, так? Капцунам - бедняки... и тот, кто имеет <идишеми хатунам... еврейски...не, гойшами хатунам?>... и те, которые имеют русских сватов. (ПО смеется). Вот это кто остался в Тульчине уже, понимаете, как? А остальные все люди... так что <нарунам, капцунам и идишем ...гойшам и хатунам?>.... Вот это кто остался в Тульчине уже, понимаете как, а вы хотите, чтобы были потомственные. Уже ...

ПО: Никого нет.
СИ: Никого уже нету. Так и все поумирали.
ПО: В нашем доме, там...
СИ: Были, жестянщики были, были еще и эти самые...
ПО: Одна семья...
СИ: ...и сапожники, мясники были...эти самые ..<шохеты? 72:07> птицу резали, свинью резали...
ПО: Все дома по одной семье.
ОГ: А на идише как эти профессии называются? Жестянщик, это как будет?
ПО, СИ: Блетхер, блетхер, да.
ОГ: А сапожник, портной.
СИ: Систер. А портной как, Петь?
ПО: Портного...
СИ: Я не знаю, как портного...
ОГ: Шнайдер.
СИ: О! Шнадар. (смеется) Точно, шнадар. Это были, но это уже прошли времена. ...поуходили из жизни.
ПО: Поезд прошел!
СИ: Это надо было лет пятнадцать тому назад вот этим заниматься, тогда еще можно было что-то такое, знаете, мы еще были какие-то...Этнос!... еще был какой-то...а сейчас уже что...
АЛ: А вот еще мы слышали, что вот еще после похорон ...там вот есть... вот есть такой обычай...там... стакан воды, там что-то такое...
СИ: Да, да.
ПО: Не знаю.
АЛ: А вы не знаете, да?
СИ (смеется): <В>от дает, <в>от дает..... Ты прям совсем все...Вроде ты ничего не знаешь...вот дает. Это, знаете что, ну да, после похорон, во-первых, значит, берется стакан воды, кусочек ткани...
АЛ: Какой ткани?
СИ: Веревочка...отрезается с простыни этого человека, который покойник лежит, понимаете? Отрезается узкая полосочка, втыкается в это самое, в нее это вот, и ставится на окно. А на восьмой день, когда, как говорится, отравляют душу... <балей дей шуме?>, по русски... по еврейски говорят...<балей дей шуме ? 47:44>, это, то есть, отправляют душу человеческую в рай...вот, то надо выехать на рассвете, на рассвете, так? Чтобы солнце ...еще не восход, не было солнца...не доезжая кладбища, так, чтоб издали только виднелись могилы...берется, значит, этот стакан, вода выливается с него, вот, и тряпочка эта, в смысле, полосочка ткани, иголочка, нужно закопать ее, в таком месте, где люди не ходят, понимаете как... где люди не ходят, закопать его в землю...ну, на какое-то расстояние в землю, чтобы это самое...закопать, вот... повернуться спиной к кладбищу и пожелать, чтобы Бог принял душу эту, вот, и возвращаются домой. После этого, значит, снимается траур, который был в доме, завешены зеркала, вот

это вот все, простынями, и все, траур снимается. Можно мужчине побриться, все эти восемь дней мужчина не бритый, вот... Ну если есть такая возможность, конечно, ну так как у нас в советское время все работали и так далее, все это ... сидят на коврике на полу, женщины в... это самое... в чулках... сидят на полу... там они это все едят, все это самое...

АЛ: А вот если нужно встать, то вот что-нибудь делают?

СИ: Ну что-то делают, кто-то за них ведь не будет делать, они сами <неразб., 75:15>

АЛ: Нет, ну вот, на место, где сидели, не кладут ничего?

СИ: Нет, ничего не кладут... там они просто посидели, как говорится, посидели в трауре.

АЛ: А вот еще мы слышали, что вот когда человек умирает, то в доме, где он умер, нужно воду всю вылить?

СИ: Да.

АЛ: Да?

СИ: И все часы остановить. Останавливаются все часы, и вся вода выливается... В доме...

ПО: Даже если сосед умирает...

СИ: Даже если... даже если соседи умирают у нас в доме, мы тоже выливаем всю воду...

АЛ: Это не важно: евреи, русские, все равно?

СИ: Мы выливает все равно воду, даже если это самое... положено воду эту самую вылить, часы останавливают, все завешивается, все, где может отражаться покойник, закрывается там простынями. Серванты, зеркала там и так далее, все это. Вот, а потом, когда кончается траур, через эти восемь дней... у русских девять, а у нас восемь дней, понимаете как? После этого, значит, все, считается, что траур уже снят.

АЛ: А почему воду выливают, не рассказывают?

СИ: Не знаю я, почему воду.

АЛ: А куда нужно ее вылить?

ПО: В туалет.

СИ: В туалет, если есть туалет, или на улицу, в общем, вылить надо.

ПО: Вылить и все.

АЛ: И на улицу можно, на дорогу?

СИ: Можно... ну, это же не это самое, это же не вода, в которой купали... это... мыли покойника. Это же не та вода. Это обыкновенная, допустим, в ведре, питьевая вода.

АЛ: А если вода, вот, в которой, в которой мыли покойника, то что?

СИ: В которой мыли покойника, ее ... куда-нибудь в унитаз... вылить ее, спустить воду, чтоб она... это все... И одеяние, в котором был этот покойник... естественно... кладут в гроб тоже.

АЛ: В гроб кладут. А обувь?

СИ: Вот, после ... Ну это одеяние, в котором он был, ну, когда он умер только, понимаете. Само одеяние человека <можно?> раздать. Само одеяние... Полностью <можно?> раздать людям, вот. Обувь сжигается.

АЛ: А почему?

СИ: Обувь сжигается. Чтобы в ней больше никто не ходил. Такой обычай... чтобы больше в ней никто не ходил.

АЛ: А почему вот ...обувь нельзя?

СИ: Даже новая, даже новая обувь. Ну, считается, чтобы больше в ней никто не ходил, потому что человек умерший, чтобы, как говорится, никого не постигла эта участь, понимаете как. Обувь сжигается.

АЛ: А одежду можно?

СИ: А одежду можно. Я знаю, что мне говорили тут в Тульчине, что новую, мол, они не сжигают. Я знаю, что мне говорила моя мама когда-то, что полностью вся обувь, даже новая. Умерла моя мама, я даже новые вещи ее, в смысле обувь, новое, что у нее было, все сожгла. Забрала с собой в больницу в котёлке...и там, значит...все это там сожгли, понимаете? Потому что где же я тут костер разведу? Когда мама умерла, понимаете. Так я отнесла в больницу, там в котле, в общем паровом котле большущем, это все сгорело.

ОГ: А в гроб кладут что-нибудь еще?

СИ: В гроб надо положить...в гроб надо положить во-первых: очки, зубы, если человек имел. У евреев хоронят без обуви, в чулках, но без обуви, и все вещи, которые...ну, в смысле, расчесочка, палочка, если человек ходил, понимаете, как? Это кладется все в гроб. То есть, то, чем он пользовался.

ОГ: А на глаза кладут что-нибудь?

СИ: На глаза в старину клали. В старину клали когда-то, клали в старину, клали... ну, как вам сказать, глиняные эти...черепки.

АЛ: Черепки, да?

СИ: Черепки клали. Ну существует такое поверье, чтобы человек ничего забрал с собой на тот свет (смеется).

ОГ: То есть он не видит это?

СИ: Да. Вот есть такой...знаете, такая ...притча, или что... когда ребенок рождается, у него руки: «Вот, я пришел в мир»...ребенок родился. А когда он...рождается...у евреев кладут руки вдоль тела, не так, как у русских, так, а это самое, говорят. А так когда кладут, говорят: «Вы видите, я ничего с собой не взял». Видите, тут он родился, говорит: «Пришел в мир», а тут: «Я ничего с собой не взял». А это, чтобы глаза не были велики, чтобы не забрал ничего с собой на тот свет. Это клали когда-то черепки, такое поверье было. Сейчас у нас ничего, ки... Да, надо сказать, что покойника перекрывают, покойника перекрывают покрывалом сверху, когда его кладут, вот, лицо закрывают ему, говорят, что покойник, якобы, стесняется...людей...и, в общем...лицо его перекрывают, понимаете. Если у русских лицо открыто, то у евреев закрыто.

АЛ: А вот как прощаются с покойником, вот когда во время похорон.

СИ: Я не знаю, как прощаются.

АЛ: Не, ну нужно там, не знаю, дотронуться...

СИ: Я не знаю, в общем, знаете что, в наши дни, когда...в наши дни, когда...знаете, когда кладут в гроб, и все...это самое, понимаете, как... то

подходишь так, как и русские, и целуешь этот холодный лоб, я никогда его не забуду – лоб моей мамы, понимаете как,ходишь, целуешь ее лоб, прощаешься с ней навсегда... вот...как было раньше, я не знаю. Я знаю, что этот ледяной...не приведи, Господь, этот ледяной лоб целовать. Это страшно, понимаете как...все это....

АЛ: А вот есть такое, что стучат по крышке гроба, там вот говорят...

СИ: Нет.

АЛ: Нет?

СИ: Я не знаю. Я знаю, что раньше, раньше, человека хоронили без гроба, вы же знаете, вам... <Виктор? 80:36> рассказывал, все это самое... Понимаете как...А теперь в наши дни рекомендуется сделать дырки в гробу, когда ложат человека...

АЛ: В днище, да?

СИ: В днище, понимаете как? Но никто этого не делает, естественно, понимаете как...вот... Раньше хоронили человека и все, понимаете как...а теперь делают поминки, делают поминки, понимаете...даже в Израиле. У моих подружек поумирали родители, они мне рассказывали, что и на кладбище они делали в Израиле...

АЛ: Ели на кладбище, да?

СИ: Да, поставили стол, там, в общем, все это самое... там столы специально есть уже готовые. В общем, там всякие сладости, всякое такое вот было. А к моей подружки на поминки приходили люди. Приходили люди, и в дом зашли, и она накрыла стол. Поставила поминки, там все. У нас делается в этой Тульчинке, где вы были...В Тульчине делаются поминки, все.

ОГ: А раньше не делали поминки?

СИ: у евреев никогда не делали поминки, никогда.

ОГ: То есть вообще ничего, да?

СИ: Похоронили, похоронили человека, и всё...

ПО: Положили в гроб...

СИ: Понимаете как. А теперь, значит, это самое. А теперь делаются поминки, делаются, тоже, знаете как ...самые бедные евреи тоже стараются какие-то поминки сделать. Малое количество людей – пусть там тридцать человек будет, но все равно стараются делать поминки, понимаете как...вот такое.

АЛ: Спасибо вам большое.

СИ: Пожалуйста.

АЛ: Мы, наверное, утомили.

СИ: Александр, может, Вы...